

Michael Laczynski

Fürchtet euch, und folgt uns:

Die Politik der Populisten

Wien: Verlag Kremayr & Scheriau, 2017

Михаэль Лачинский — исключительно осведомленный автор. У него настоящий космополитический кругозор и близкое знакомство с фактурой, которой он оперирует. Родившись в Польше, он давно натурализовался в Австрии и долго работал корреспондентом уважаемой венской газеты Die Presse в Брюсселе. Его книга — о “популистских” политических партиях, подпадающих под этот ярлык с негативными коннотациями и называющих себя патриотами и национал-консерваторами (если они правые) или прогрессивными националистами (если левые) (С. 16–17).

Лачинский определенно еврофил и столь же определенно считает подъем популистских партий вредным и опасным явлением. В этом он не расходится с магистральной политической философией еврогосударства и нормативной политической теорией. Время от времени он делает оговорки, признавая, например, что голосование против партий истеблишмента в Европе и Америке имеет вполне объективные основания. Еще вчера это был бы вызов антипопулистской ортодок-

сии, но подобная фразеология на глазах становится частью мейнстрима.

Заглавие книги Лачинского “Устрашитесь и следуйте за нами” указывает на то, в чем, по мнению автора, заключена суть современного популизма. Для него популизм — политическая сублимация атмосферы страха. Призыв, выбранный Лачинским в качестве названия его работы, — главный инструмент мобилизации недовольных масс, которым пользуется, артикулируя его или нет, популистский авангард электората. Он паразитирует на страхах обывателя, нагнетает их или даже придумывает несуществующие опасности. Напрашивается журналистское клише “политика страха”. Мне кажется, что такая формула выглядела бы более эффективно на обложке книги Лачинского, но это, разумеется, дело литературного вкуса.

Атмосфера сейчас действительно тревожная. Чего же боится публика? Лачинский называет возбудители страха: (1) элиты; (2) чужие (иммигранты); (3) обеднение; (4) модерн (так у него) (С. 29–30). Эти страхи Лачинский

обильно иллюстрирует материалами разнообразных опросов общественного мнения. На мой взгляд, автор рискованно упрощает фактуру. На самом деле страх у обывателя вызывает только перспектива обеднеть и утратить статус в результате технологических изменений, ну и то, что Лачинский называет “модерн”, то есть новый образ жизни вообще.

Элита (истеблишмент) вызывает у простых сограждан скорее не страх, а недоверие и антипатию. Иммигрантов они не только боятся как конкурентов, но и презирают как “варваров”. Такой более сложный “эмоциональный коктейль” порождает и более сложные стереотипы поведения, нежели простой страх. Поэтому в рассуждениях о популизме уместны и все чаще используются такие понятия, как рессентимент и самоидентификация. А в книге Лачинского они едва мелькают. Я не буду сейчас сравнивать инструментальность подхода к проблеме популизма на основе этих двух понятий с подходом Лачинского, но этим стоит заняться. В любом случае, заговорив о популизме как о “политике страха”, Лачинский указывает на важный аспект пиар-стратегии популистов.

Другой интересный сюжет книги Лачинского — сопоставление правого и левого популизма. Кажется, еще недавно левый популизм не был особенно заметен. Хотя оборачиваясь назад можно утверждать, что классические левые партии поначалу тоже были вполне популистскими, в зрелом состоянии они (особенно марксистские) демонстративно противопоставляли себя популистам. И ответственность (включая экспертное сообщество) с этим соглашалась. Теперь не так. Популистский синдром легко приписывается левым партиям, влиятельным на юге Европы — в Испании, Италии (в особенности Южной), а также в Греции. Появилась такая партия рядом с “Народным Фронтом” и во Франции.

Лачинский обращает внимание на интересный контраст. На севере Европы популистский авангард тяготеет к правым силам. А на юге — к левым. Автор объясняет это тем, что на севере высокий уровень жизни и прочные социальные гарантии; обыватель (судя по опросам) ценит это и боится свое благополучие утратить. А на юге Европы обыватель

беднее и хочет иметь более надежную социальную защиту (С. 83-84). Это объяснение не вызывает возражений, но тут же возникает вопрос: что общего между двумя вариантами популизма и чем именно их дискурсы отличаются друг от друга?

Лачинский сопоставляет французский “Национальный фронт” и греческую партию СИРИЗА. Обе партии возлагают ответственность за экономические трудности, которые переживает обыватель, на враждебные внешние силы; к их числу относятся “враги демократии” — Вашингтон, Брюссель, Берлин и (или) безымянный финансовый капитал, абсолютно автономный или действующий в интересах привилегированных наций: США в мире и Германии в ЕС. Кроме того, предлагаемые ими решения проблем соблазнительно просты — инфляционное финансирование, государственные инвестиции, колоссальные финансовые требования к другим странам. И та, и другая обещают щедрое социальное обеспечение. При этом они с легкостью меняют свои макроэкономические стратегии (С. 22) и готовы ради приобретения легитимности вступать в любые коалиции. В другом месте Лачинский замечает, что и правые, и левые популистские движения (партии) резко осуждают ничем не ограниченную и бессовестную конкуренцию (С. 116).

Наряду со склонностью к мифам и эмоциональной риторике и с объединяющим их оппортунизмом у всех популистов есть еще одно общее свойство. Лачинский пишет: “Они очень искусны в конструировании «единств» (Gemeinschaften). Исторически это особое умение было очень кстати в процессе консолидирования государственных общностей. Племена и кланы удавалось объединить в более крупные образования, когда им удавалось внушить, что у них есть общие убеждения, традиции и обычаи. Неудивительно, что национал-государства теперь понимаются (вслед за Б.Андерсоном) как «воображаемые сообщества». Популисты неустанно эксплуатируют ту же самую идею совместной принадлежности, без конца повторяя «мы и только мы — народ»” (С.23).

Это та же готовность к более широкому объединению, которое, как принято считать,

инициирует процесс возникновения государства (Staatsbildung). Племена и кланы растворяются в более крупных формациях, как только начинают верить, что у них всех общие ценности, традиции и обычаи. Популисты всех мастей внушают избирателю принадлежность общности-единству (С. 22–23), расширяя ее до размеров всей нации, приглашая в нее всех и каждого и с легкостью объявляя отщепенцами, а то и врагами народа тех, кто это приглашение не принял или кого они сами от народа отлучили. Все популистские партии, таким образом, мыслят себя как единственные подлинно “всенародные” — даже если они остаются на политической обочине.

Тут-то, говорит Лачинский, обнаруживается и различие между ними. Правые популисты определяют “народ” как культурно-языковую общность, а левые — как массу, противостоящую господствующей неолиберальной олигархии (ближе к марксистскому понятию “класса”). Или иначе: “правый популизм, выстраивая воображаемую общность, напоминает ей о ее исключительности (schliesst aus), а левый популизм культивирует у своих избирателей чувство включенности (schliesst ein)” (С. 23). Цель “Национального Фронта” во Франции — национальный социализм, а партии СИРИЗА в Греции — интернациональный социализм. Чтобы было более наглядно: Марин Ле Пен хочет обнести стеной Францию, а Янис Варуфакис — связать руки Германии (С. 163–164).

Такое противопоставление звучит не очень вразумительно, возможно потому, что оно надуманно. Интернационализм Варуфакиса — это тот же национализм, только с обратным вектором. Включенность и исключенность общности — если включенность не глобальна — это две стороны одной медали. И если утверждать, что только в этом и заключается разница между правым и левым популизмом, то она иллюзорна. Я бы считал, что эту разницу, коль скоро интуитивно нам кажется, что она существует, следует искать, сравнивая итальянские “Лигу Севера” и “Пять звезд” или французский “Народный Фронт” и испанскую “Подemos”. Не исключено, однако, что если мы обнаружим между ними различия, то это будет означать, что одна из

них в действительности не является популистской. Представляется, что разница между левым и правым популизмом сводится почти исключительно к риторике и к субкультурным особенностям их избирателя.

Наконец, любой популизм есть “ретро-популизм”, как выражается Лачинский (С. 150–154). Все популисты, от Качинского до Варуфакиса, буквально одержимы прошлым (С. 165). Тут, правда, есть разные варианты. В Западной Европе это недавнее прошлое — “золотой век” социального государства (государства соцстраха), до сих пор опирающегося на социал-демократический консенсус, то есть режим правления, который иногда называют “налоговый социализм”. Во Франции, например, это “достопадные тридцатые”, в других странах — первые послевоенные десятилетия. Ностальгия по прекрасному прошлому подогревается ростом имущественного неравенства и ненадежной занятостью (так называемого “прекариата”). В странах Восточной Европы культивируется более давнее “героическое” или “страдальческое” прошлое. Это особенно характерно для Польши, где, как говорит Лачинский, сейчас вторичное переживание прошлого заполняет почти всю политическую жизнь.

Все это плохо — и с точки зрения нынешней либерально-правозащитной “политкорректности”, и с точки зрения здравого смысла. Но если так, то кажется необходимым остановить наступление популизма в политической сфере и тем более не допустить его прихода к власти. В самом деле, популизм не способен предложить содержательную программу; исторический опыт свидетельствует, что если популистские партии не превращаются в “нормальные”, то, оказавшись у власти, быстро ретируются, наломав дров, чем только укрепляют позиции косного истеблишмента. А если, движимые коррупционными интересами, доктринальным упрямством или обостренным самолюбием, они начинают цепляться за власть, то устанавливают авторитарный и даже репрессивный режим.

Так что же делать, чтобы так не случилось? Коль скоро популизм эксплуатирует страхи обывателя, говорит Лачинский, нужно как-то погасить эти страхи, успокоить публику.

Для этого необходимо либо принять экономические и социально-политические меры для решения тех проблем, которые порождают страхи, либо найти успокаивающие аргументы, более сильные, чем алармизм популистов. Истеблишмент пока не демонстрирует способность действовать первым способом (во французском политическом обиходе эту неспособность называют “иммобилизмом”). Вместо этого он уповает на переубеждение и перевоспитание масс. Представители истеблишмента пытаются заниматься перевоспитанием, убеждая граждан (С. 191–198), что мир меняется единственно возможным образом и “никакой альтернативы нет” (считается, что именно это провозгласила в свое время Маргарет Тэтчер). Безальтернативен так называемый “Вашингтонский консенсус”, то есть неолиберальный рецепт (структурные реформы в духе экономики предложения, бюджетная экономия, принципы свободной торговли) для обеспечения неуклонного экономического роста, какие бы проблемы он ни порождал.

Еще один аргумент против популизма состоит в том, что он не имеет реальных оснований: популизм — всего лишь таинственная массовая истерия, которую можно заглушить убеждением и уговорами. Например, внушая публике, что глобализация и технологическое обновление хотя и сопровождаются неприятными явлениями, но их положительные эффекты все-таки перевешивают. Проигрывающие конкуренцию, заявляют противники популистов, должны сами адаптироваться к новым условиям или принять свою участь как должное в духе социального дарвинизма.

Все эти рассуждения бесполезны, считает Лачинский, и бессильны против популизма. Главу, где он излагает приведенные выше антипопулистские аргументы, он так и назвал: “Чего не следует делать”. Вместе с тем Лачинский признает: гораздо труднее решить, что же все-таки следует делать тем, кто хочет противостоять популизму. Сам он предлагает на этот счет только краткие и расплывчатые рассуждения.

Это не упрек. Тут и в самом деле пока сказать нечего. Нужны новые стратегии, реагирующие на те проблемы, которые популисты

вывели на фронты партийно-политической конкуренции именно из-за того, что истеблишмент их порождает и игнорирует. А если истеблишмент все-таки прав и нынешние стратегии в самом деле безальтернативны, то нужно найти новые разъяснительные дискурсы, более эффективные, способные отвлечь избирателя от популистских партий. Сам истеблишмент ничего нового не предложит; никакой старый режим никогда не предлагал ничего нового. Популизм как простая тень старого режима тоже бесплоден и никакой конструктивной программы не выдвигает, а лишь обещает вернуть общество к тому порядку, который уже был и либо оказался неэффективным, либо, достигнув определенных успехов, не смог поставить себе новые цели и, следственно, устарел.

Самоутвердительный национальный дискурс популистов может служить утешением, а сейчас, как кажется, успешно теснит космополитический дискурс истеблишмента. Но это работает в условиях, когда популизм показывает пальцем на неудачи и паралич (“иммобилизм”) правящих режимов. Насколько убедительным он окажется в случае, если популисты придут к власти, мы не знаем, но имеем сильные основания подозревать, что популизм быстро утратит свою привлекательность, как только обнаружится, что новый режим не лучше и даже хуже старого. Нужно внимательно следить за моральным состоянием тех наций, где популизм уже у власти, — России, Украины или Польши.

Если все так, то все надежды на “мессию”, а точнее, на какую-то “третью” социокультурную силу типа и масштаба “буржуазии” или “пролетариата”, которая была бы способна к социально-философскому творчеству. Такая сила может появиться в ходе непрерывного социогенеза-культурогенеза. Как и прежде, это будет происходить в зоне центрального социального конфликта. Но как именно будет выглядеть этот конфликт — кто будет его участниками и каковы будут ставки в конкурентной борьбе, — пока не очень ясно.

Вот самые обобщенные варианты: может актуализироваться конфликт между богатыми и бедными или между истеблишментом как “авангардом” эволюции и “отстающим”

народом. Эти конфликты похожи и частично совпадают, но тем не менее это разные конфликты.

Управление обществом, несомненно, рационализируется, но поспевает ли за ним публика, совсем не очевидно. Больше похоже на то, что не поспевает, а возможно, и никогда не будет поспевать. Собственно, из-за этого и возникает сейчас конфликт между истеблишментом и “народом”. Истеблишмент делает то, что считает нужным (правильно или нет), разумеется, с поправкой на собственный эгоизм и коррупцию. Народ требует того, что ему желательно (обоснованно или нет). В обоих случаях, как говорят англосаксы, *this is the nature of the beast* (“такова уж

их природа”). А если так, то нынешний успех популистских партий — не ситуативный кризис политической сферы еврогосударства, а фаза ее фундаментальной реконфигурации. Как будет выглядеть ее новая конфигурация, как будут институционализированы (конституционализированы) демократия и права человека и сохранятся ли они вообще, боюсь, мы еще не знаем.

Александр Кустарев